декорум), но забывая о внутренних нравственных требованиях, персонажи и читатели, по мнению автора, рвут связи с человеческим в себе. «Достаточно сказать только, — иронически комментирует автор, — что есть в одном городе глупый человек, это уже и личность: вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: „Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп", словом, вмиг смекнет, в чем дело» [1, т. 5, с. 255—256].

Представший перед авторским взором «господин» вспоминает о своей принадлежности к человеческому роду лишь тогда, когда заходит речь об отрицательных человеческих свойствах. Но оскорбляется он за «человека» именно потому, что страшится «гласности», опасных для самолюбия разговоров. Стремление к внешней благопристойности доводится здесь до комического абсурда, но как раз абсурд и позволяет выявить логику, лежащую в основе и обвинений «патриотов», и объяснения Кифы Мокиевича, и рассуждений и поведения Чичикова. Во всех этих случаях налицо искаженное понятие об истинной сущности человеческого, непонимание подлинного предназначения человека. Не случайно отмечается в поэме (на что обратил еще внимание А. Белый [15, с. 52]) безродность Чичикова: вышел «ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца» [1, т. 5, с. 321]. Показателен этот даже чисто внешний отрыв героя от своего наитеснейшего родства, от отца и матери: чужой в собственному роду, отпавший! Но если в таком отпадении герой не виноват, то разрыв с человеческим родом определяется уже его личной виной.

Связь с человеческим в себе восстанавливается, по убеждению автора, как раз посредством уединения и самоуглубления, когда самостоятельно решается вопрос об этическом выборе, когда осознается и чувствуется необходимость нравственной ориентации. Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче затрагивала коренные вопросы человеческого существования, как они открывались Гоголю и как оценивались изображенным им автором — носителем определенных этических принципов. Поэтому мораль притчи несводима только к ответу на обвинения «патриотов». В притче есть и сверхличный план, связующий ее особенно тесно с нравственной проблематикой поэмы, с мотивами омертвления и воскресения человеческого в человеке. Мораль притчи шире следующего из нее дидактического «вывода». То, что сказано автором на языке притчи, обладает гораздо большим смысловым объемом, вбирающим в себя как реализованные, так и оставшиеся потаенными значения, требующими дешифровки от самих читателей.

3

Обращение Гоголя к внутренним силам человека — важнейшая задача его творчества в 40-е годы, значимая не только для «Мертвых душ», но и для «Театрального разъезда» и более поздних произведений [16, с. 52]. Притчей о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче автор ставил перед читателями принципиальный и глубоко «гоголевский» вопрос о знании человеком себя, о поисках в собственной душе законов, регулирующих нравственное поведение всех людей, о необходимости прежде всего отыскать ключ к собственной душе.

Читатель, которого имеет в виду автор, не просто и не только «читатель», но в первую очередь «человек». Ведь чтение — не профессия, не постоянное занятие, а труд души, сродни самопознанию. Притча и должна была поставить перед читателями этическую задачу, ответ на которую можно было найти, обративши «глубокий взор» [1, т. 5, с. 353] к себе в душу. Притча должна была помочь читателям обрести важную правду о самих себе. Для этого надо было понять, что рассказывается в поэме не только о Чичикове, о других персонажах, но и о читателях также, что читатели не свободны от «части Чичикова», хотя «удвоившаяся гордость», самодовольство и душевная глухота мешают им осознать это, становясь непреодолимой преградой на пути к внутреннему изменению.